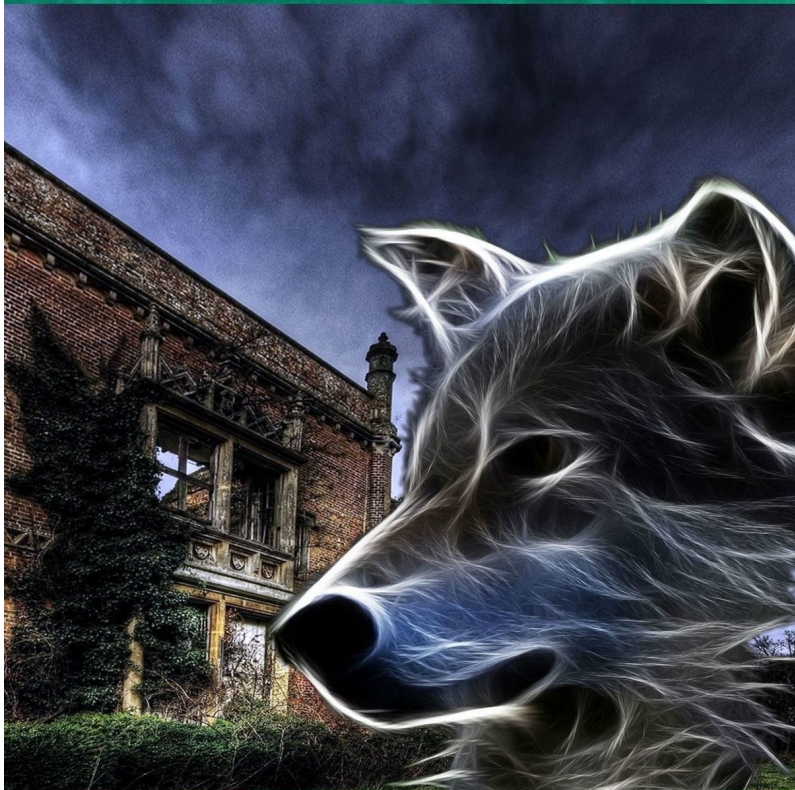

Александр Андрюхин

ДОМ С МЕРТВЫМИ ДУШАМИ

Александр Андрюхин

Дом с мертвыми душами

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=39855329

ISBN 9785449602640

Аннотация

Молодые и бесшабашные заводские шефы должны спасти урожай в опустевшем колхозе, после того как мошенник отправил колхозников на учебу в США. Там в главного героя влюбляется местная красавца, в роду у которой были оборотни, но он, проявив доброту, спасает товарищей от опасности и распутывает с другом мистическую историю, которая много лет тревожила местное население.

Содержание

Часть первая	7
ОВЦА ПО ИМЕНИ ТАНЯ	7
1	8
2	11
3	17
4	24
5	28
6	32
7	39
Конец ознакомительного фрагмента.	44

Дом с мертвыми душами

Александр Андрюхин

ОТ АВТОРА

Благодарности:

Надежда Гордеева

© Александр Андрюхин, 2019

ISBN 978-5-4496-0264-0

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Эта невероятная история, так нашедшая в 1987 году, приключилась на моих глазах. Я был не только очевидцем событий, но и свидетелем по делу. Много лет спустя, когда я работал в газете «Известия», к нам в отдел расследований позвонил мужчина и попросил меня выйти в вестибюль. Пояснил, что у него на руках такая информация, за которую удавится любой журналист. Заинтригованный, я спустился вниз и сразу его узнал. Это был бывший ульяновский следователь Ренат Шерафутдинов. Мы обнялись. Он спросил, помню ли я поездку кузоватовских мужиков в Америку? Я не смог удержаться от смеха.

– Очень хорошо! – обрадовался гость и достал из портфеля

ля внушительную папку. – Мошенника мы поймали. Вот копия обвинительного заключения. Только сейчас, через двадцать два года в этом деле поставлена окончательная точка. Почитайте!

Я поднялся в отдел, развязал папку и открыл ее на первой попавшейся странице. В глаза сразу бросилось чье-то откровение под протокол: «Когда меня похоронили, то я с удивлением заметил, что меня перестали замечать люди и узнавать знакомые...»

«Ничего себе затравочка», – поежился я и решил читать материалы по порядку. Я провалился с первой же страницы. Как-никак в уголовном деле в качестве очевидца фигурировал и я. В тот день мне не суждено было написать заметку в номер. К концу рабочего дня я не выдержал и побежал к главному редактору. Тогда газету возглавлял Владимир Мамонтов. Он выслушал меня довольно внимательно и сказал, что история действительно занимательная, однако она не для солидного издания.

– К тому же дело двадцатилетней давности – читатель нас может не понять, – развел руками редактор.

Содержимое папки я потом неоднократно пересказывал коллегам. Вернее, пытался пересказать. Но у меня никогда не получалось до конца. Слушателей хватало ровно на пять минут. Потом начинались ухмылки, насмешки и саркастические вопросы, типа, а не в стенах ли «Кашенки» формировался столь блистательный материал?

Увы, ни внушительная папка с тремя томами дела, ни мое личное знакомство со следователем не могли подавить скепсис моих коллег. В конце концов, я оставил попытки протолкнуть этот материал в газету. Я решил написать художественный роман, а себя замаскировать под одного из персонажей.

Собирался я долго. Сюжет рвался наружу и не давал спокойно существовать. Наконец однажды меня так потянуло к компьютеру, что о каком-либо откладывании на завтра не могло быть и речи. Часы только что пробили полночь. Утром нужно было вставать на работу, однако сна – как ни бывало. Я протянул пальцы к клавиатуре, и они с готовностью нащелкали: «Эта история, согласно материалом дела, началась 24 июля 1987 года. В то утро в Управление сельского хозяйства Ульяновской области вошел неизвестный мужчина respectable вида...»

Часть первая

ОВЦА ПО ИМЕНИ ТАНЯ

Итак, эта история, согласно материалом дела, началась 24 июля 1987 года. В то утро в Управление сельского хозяйства Ульяновской области вошел неизвестный мужчина respectable вида. Не обратив ни малейшего внимания на дежурившего в дверях милиционера, он уверенно направился на третий этаж. Несмотря на то, что начальник Управления был занят, неизвестному удалось беспрепятственно миновать еще один милицейский пост на третьем этаже и «предбанник» приемной со строгой секретаршей. Солидно войдя в кабинет и грозно сверкнув очками, мужчина громко представился Станиславом Сергеевым, специальным корреспондентом газеты «Известия». Удостоверения гость не предъявил, а главе Управления не пришло в голову документально удостовериться в его личности. Большой начальник с готовностью отложил бумаги в сторону и гостеприимно улыбнулся:

– Слышал, слышал о вас. И читал, знаете... много читал. Очень хорошо пишете. Хлестко, в духе времени. Да вы присаживайтесь!

Взгляд начальника сделался блуждающим. Он немного помолчал, затем мягко поинтересовался:

– Что привело звезду отечественной журналистики в наши края?

Столичный гость строго кашлянул, тем самым, показав, что не принимает лести провинциального начальства и, деловито опустившись в кожаное кресло, произнес:

– Меня послали выяснить, как в Ульяновской области обстоят дела с семейными арендными подрядами?

Зрочки главы Сельскохозяйственного управления воровато забегали, поскольку никаким подвижек в этом направлении не было. Не было, потому что не имелось указаний сверху. Были только призывы. Но призывы не к управленцам, а непосредственно к самим семьям. «Мне конец, – мелькнуло в голове у начальника. – Кто-то накатал на меня свинью».

Глава аграриев не долго пребывал в растерянности. Ведь, как известно, долгая задумчивость чревата последствиями.

– Вы знаете, у нас прекрасно обстоят дела с семейными арендными подрядами, – бодро ответил он. – Наш показатель в этой части на шесть процентов выше, чем в соседней Пензенской области. Вам кофе, или чай?

– Если можно, мне хотелось бы увидеть конкретные хозяйства и конкретных фермеров, а не цифры, – строго произнес спецкор, игнорируя предложенные напитки.

– Об чем речь! Устроим! – задушевно развел руками начальник, мучительно соображая, какой же колхоз можно выдать за общество цивилизованных кооператоров? – Вы сегодня отдыхайте, а завтра мы вам покажем наши хозяйства.

– Нет, – покачал головой корреспондент. – Завтра я уже должен вылететь в Москву. – Только сегодня.

«Без ножа режет, – простонало внутри у агрария. – Где же ему сейчас найти семейных подрядчиков? Тем более что таковых в области никогда не существовало».

– Ну что же! Сейчас так сейчас! – обаятельно улыбнулся начальник. – Куда же вас направить? Э-ээ...

За это секундное «Э-ээ» в голове провертелось несколько вариантов: в том числе и вариант с исчезновением журналиста. «Ну, не долетел он до Ульяновска! С кем не бывает!»

– Э-ээ! Пошлю-ка я вас на юго-запад области, в Кузоватовский район. Там много фермерских хозяйств...

Последнее звучало анекдотично. Это был самый отсталый район Ульяновской области. У кого только язык повернулся назвать ту кузоватовскую глухомань районом. Мысль в этом направлении сработала исключительно потому, что до той дыры по причине бездорожья было добраться весьма не просто. А если пойдет дождь, то по пути вообще можно сгнить. Но все это сладкие мечты! А фактически, погода стояла изумительная, на небе ни облачка, так что в худшем случае спецкор до центральной усадьбы Кузоватова доберется за какие-то два часа.

– Когда выезжаем? – деловито осведомился журналист, поднимаясь со стула.

– Сейчас организую вам машину.

Это был тяжелый случай. Московский гость наотрез отказался от кофе, наотрез отказался поселиться в обкомовской гостинице, наотрез отказался от экскурсии по городу с последующей кормежкой в ресторане. Он сразу потребовал выехать в село.

«Серьезный молодой человек», – печально вздохнул верховный аграрий и предоставил свою персональную «Волгу». Однако водителю успел шепнуть, чтобы тот ехал окольными путями.

Не успела машина выехать со двора, бедняга тут же бросился к телефону. Селектор долго не соединял с деревней Коромысловка, что по соседству с Кузоватово. А когда соединил, чиновник нетерпеливо застонал. Трубку взял сам председатель.

– Слышь, Алексеич! Я к тебе направил столичного корреспондента. Он интересуется семейными подрядами...

– За что, Фролыч? – воскликнул председатель. – Что я тебе плохого сделал?

– Да цыц ты! Дай договорить! Знаю, что никаких семейных подрядов в твоём колхозе нет. Даю тебе два часа. Найди любую семейную пару. Да не одну, а штук пять. Пустите их на самые лучшие участки...

– Да ты мне пораньше бы позвонил, Фролыч! Мужики уж

приняли.

– Цыц! – вышел из себя глава. – Что за привычка перебивать? Слушай внимательно! Сразу корреспондента на поле не веди. Он – пронира. Сначала в столовку. Устрой в честь него банкет. Хорошо подпой! А потом можно и на поле.

– А если я его так подпою, что он не захочет на поле?

– Это было бы идеально. Но боюсь, что он не пьет.

Однако тут начальство ошиблось. И какой же репортер не падок до халявы, а тем более – столичный. «Волга» въехала в Коромысловку в два часа дня. Водитель очень постарался, чтобы дорога была как можно длиннее. Кроме того, по пути он ухитрился пару раз сломаться и трижды заправиться.

– Сколько же мы отмахали? – лениво поинтересовался журналист, который всю дорогу молчал.

– Двести километров, – с гордостью ответил водитель. – Это мы еще быстро. Сами видите, какие дороги.

– Как мы так умудрились, когда до Кузоватова по карте всего сто пять километров?

Водитель, сочтя вопрос корреспондента риторическим, скромно промолчал. Столичный гость вздохнул и задумчиво пробормотал:

– М-да! Велика и непредсказуема Ульяновская область.

Не успела машина остановиться у крыльца Правления колхоза, как навстречу с распростертыми объятиями выскочили председатель с парторгом. Журналист поморщился.

– Уже созвонились, – недовольно буркнул он и нехотя вышел из машины.

Ему сильно тряхнули кисть, похлопали по плечу, после чего поинтересовались:

– Как столица?

– Живет!

Мужики расхохотались остроумному ответу, затем председатель с трепетом в сердце предложил:

– Пообедаем?

Возникла неопределенная пауза, во время которой с главы деревни сошло семь потов. «Сейчас откажется и поминай, как звали». Но московский гость неожиданно кивнул:

– Можно.

Председатель с парторгом облегченно выдохнули и повели высокого гостя в колхозную столовую. Там уже были накрыты столы с самоварами и вокруг них нетерпеливо топтались колхозники. Сразу ударил в нос запах нафталина и тройного одеколona.

Журналист едва заметно усмехнулся и дал себя посадить в центр стола. Председатель примостился рядом. Все расселись, и слова взял парторг Семен Петрович Куроедов.

– Товарищи, – произнес он, налив из самовара водки. – Наш колхоз удостоен высокой чести. К нам из Москвы приехал известный московский журналист. Он хочет увидеть наши достижения в области семейных подрядов.

– Хочет – увидит! – пробасил кто-то из колхозников.

И это прозвучало как угроза. Затем все ринулись наполнять стаканы содержимым самоваров.

Московский гость снова усмехнулся и деловито опустошил подsunутую ему посудину. Председатель повеселел. «Дело в ажуре!» – подумал он и вскочил с места толкнуть речь.

Дальше пошло как по маслу. Журналист пил стакан за стаканом, не отставая от колхозников, и все более соловел. Каждый раз, когда он вспоминал об арендных подрядах, ему вкладывали в руку граненый инструмент, и вопрос временно терял актуальность. После первого, второго и шашлыка из баранины банкет начал принимать космические масштабы. В столовую стали заходить и колхозницы. При виде одной грудастой доярки глаза нализовавшегося гостя вспыхнули. Это не ушло от внимания Петра Алексеевича, председателя колхоза. К этому времени ему шепнули, что снова звонит Фролыч. Председатель подозвал доярку, посадил ее на свое место рядом с журналистом и побегал в Правление.

– Ну, что, Алексеич, как наш гость? – спросил Фролыч встревоженным голосом.

– Отлично! Дозревает! – заплетающимся языком ответил председатель.

– Поля смотрел?

– Еще нет! Сидим в столовой, гуляем! – хихикнул Петр Алексеевич. – Сегодня уже вряд ли пойдем на поле.

– А завтра?

– А завтра будем похмеляться.

– Молодец! – с чувством произнесло высокое начальство. – Я в долгу не останусь. Продолжай в том же духе!

Председатель и предположить не мог, какие гнусные мысли мелькнули в эту минуту у начальника Управления. «А хорошо бы, если бы у журналиста оказалось слабое сердце. А что, бывает! Умер от перепоя. Или вот бы они после банкета пошли купаться на пруд, и гость бы во время плавания подавился коровьей лепешкой».

Но все это мечты. А на практике столичный корреспондент находился в самом отсталом районе области, можно сказать, в самом центре гнойника. «Хмель пройдет, а гной останется, – созрел в голове афоризм. – А хорошо если бы он завтра утром не проснулся...»

Однако Петр Алексеевич не разделял опасений областного начальства. Когда он возвратился в столовую, то увидел, что все на мази. Доярка с хохотом отбивается от загребущих рук столичного корреспондента, а гульба шурует уже стихийно.

Петр Алексеевич вклинился между дояркой и журналистом, и разлил еще по стаканам.

– Эх, мужики! – произнес заплетающимся языком газетчик. – Эх, и нравиться же вы мне.

Он залпом опустошил стакан и, сердечно обняв председателя с парторгом, растроганно продолжил. – Я вообще люблю общаться с народом.

– Да вы закусывайте, закусывайте! – подбодрила доярка. Журналист бодро кивнул:

– А я здесь, мужики, не просто так! Я здесь с определенной целью.

Председатель с парторгом насторожились. Гул постепенно начал затихать. Гость, снизив голос до полусшепота, произнес:

– Я здесь не только с журналистским заданием. Мне заместитель министра сельского хозяйства поручил присмотреться в глубинке к толковым мужичкам. Чтобы отправить их на учебу в Америку.

Гул стих окончательно. В столовой воцарилась убийственная тишина. Все стали переглядываться, и у каждого в глазах читалось, что самые толковые мужики проживают именно здесь, в Коромысловке.

– Эх, если бы моя воля, я бы вас всех послал, – продолжал заплетающимся языком гость. – Проживание и учеба в Америке за счет государства. Нужно только на свои добраться до Москвы. Остальное все за счет министерства. Клево ведь!

Это было настолько клево, что мужики заговорили все разом.

– Пошли нас! Мы в долгу не останемся.

– А что? – икнул гость. – Может, и pošлю...

Говорят, что именно в тот вечер впервые и увидели эту злосчастную черную собаку. По слухам, на нее наткнулся сам председатель. Он якобы вышел на крыльцо отлить и споткнулся об нее. Но слухам верить нельзя. Да и что черной собаке делать в Коромысловке? А вот то, что на второй день собаку видели в центральной усадьбе Кузоватово, – такой факт могут подтвердить многие. Она появилась в полдень около клуба, прохилияла мимо монумента неизвестному солдату, мимо столовой, магазина и направилась в сторону леса. Как раз в это время школьная уборщица баба Оксана выходила из магазина и испуганно воскликнула:

– Страсти господни! Это чья же такая псина?

– Где? – выскочила на крыльцо любопытная продавщица. – Ой, мама родная! Это какая-то не наша!

Странно, но именно в эту же самую минуту в ста пяти километрах от поселка двадцатидвухлетнему пареньку Леониду Берестову отчаянно захотелось взвыть. Он раскачивался в кресле перед осциллографом в застенках Ульяновского электронного завода «Искра» и, густо дымя паяльником, прилагал усилия, чтобы подавить в себе это странное собачье желание. «Как же так? Вот мерзавка! Такого парня оплечать!» – как помешанный бормотал он и как-то не по-мужски хлюпал носом.

Леонид имел за спиной срочную службу в ракетных войсках, два провала в МГУ на факультет журналистики и неизлечимую обиду, которую вчера нанесла ему одна легкомысленная брюнетка.

Он вглядывался в дисплей, в котором как в зеркале отражалась белобрысая растерянная физиономия, щупал бицепсы и грустно думал, что не хило было бы опять «упасть на штангу», как в армии.

А в это время за спиной появлялись первые симптомы колхозной лихорадки. Однако Берестова они не волновали, поскольку он отработал в колхозе в прошлом году. К тому же в данный момент дневная норма по настройке калькуляторов была выполнена, а значит, придраться к нему не за что. Его приятель Илюха Креонов весело насвистывал и кромсал кусачками микросхемы, значит, настроение у Креончика было прекрасное, а, следовательно, язык у него – как японская молотилка, а это означает, что от колхоза они на пару с Креончиком как-нибудь отбрыкаются.

«Эх, Аллочка, Аллочка – невинный взгляд и губки бантиком», – вздыхал наш белобрысый герой, и дисплей от обиды чернел и врал на логарифмах.

Колхозная лихорадка напоминает золотую: также все бледнеют и сходят с ума. Также никто не верит в ближнего, в дальнего, в лучшую жизнь и в грядущее торжество справедливости. Тем более что вместо берега с золотым песком, непременно оказываешься на навозной куче с оригинальным

совковым инструментом.

Креончик оглядывался назад, где багровые технологии рыскали по цеху в поисках добровольцев, и покатывался как людоед при виде мясорубки. О каких добровольцев может идти речь, когда горожане напуганы колхозом с детства. Колхоз для них – все равно, что знамение конца света. Но у Леонида никакого страха не было, потому что он уже имел счастье там побывать. И даже понравилось. Единственно, что омрачало суровую колхозную действительность – это мухи и прочая кровососущая летающая тварь. Но что такое мухи по сравнению с тем прозрением, которое внезапно открылось Лене после месячной колхозной ссылки. Только после нее до Берестова дошла ирония популярной в то лето песни «Яблоки на снегу». Это оказывается не о любви, а о бардаке, царившем в плодовопитомнических хозяйствах. И поделаться с этим Леня ничего не мог, потому что делать ничего не предлагали, а личную инициативу рассматривали как мелкое хулиганство.

Так что, вернувшись оттуда, ни славы, ни денег, ни бешено романтических впечатлений бедняга не привез. Зато привез великолепный оливковый фингал под правым глазом и собственное сатирическое стихотворение «Тяжело в деревне без нагана».

Разумеется, с фингалом ситуация была классическая. Конечно, их было восемь, а Леня – один. И конечно им здорово бы не поздоровилось, если бы они его догнали. А сти-

хотворение родилось спонтанно при виде догнивающего коровника, разрушенного еще белочехами в 1918 году. Словом, сердце у Берестова сжалось, как лимон, и именно из него (подчеркиваю, из сердца, а не из пальца, как у профессионала) и вытекли те необычайно кислые строки.

Но неожиданно его легкомысленное творение разлетелось по заводу с непредсказуемой быстротой. Берестов сделался популярным буквально за один день. Разумеется, администрация не смогла простить ему славы и стала демонстративно не замечать автора. А когда в заводской многотиражке появился фельетон «Тяжело крановщикам без крана» в бухгалтерии стали забывать начислять ему премию за перевыполнение плана.

Любопытную истину открыл для себя Леня Берестов: оказывается быть поэтом в этой жизни втрое непростительнее, чем тунеядцем, или жуликом. Однако мы отвлеклись.

Итак, 25 июля в полдень Берестов не собирался ни в какой колхоз. Во всяком случае, добровольно. А принудить его не могли, так как в последнее время за ним не числилось нарушений. Но судьба так непредсказуема! Мысли молодого парня были настолько заняты Аллочкой, что он не заметил, как колхозная нервотрепка за спиной подозрительно утихла. Либо нашлись два добровольца, либо кому-то припомнили кузькину мать. Что произошло дальше, любой другой бы назвал случайностью, но Берестов расценил это, как перст судьбы.

Внезапно сзади из зловещей тишины выплыла местная нимфа Юлечка Самойлова. Она целомудренно хлопнула глазками и, стыдливо покраснев, спросила у Берестова стеснительным голосом:

– Леонид, хотите со мной в колхоз?

Креончик сбоку захихикал и деликатно уткнулся в платы, хотя никакой деликатностью Илюха не отличался. Берестов и на эту странность не обратил внимания и, каким-то идиотским образом потеряв бдительность, шаловливо промурлыкал:

– Неужели и тебя решили сослать, Юлечка? За что? Ты сегодня опоздала?

– Так поедите или нет? – топнула ножкой нимфа и залилась еще более целомудренной краской.

– Об чем речь! – расплылся в ослиной улыбке Леня, изображая, что если и такую телку решили запрячь в эту всеобщую навозную повозку, значит у проклятой администрации атрофированы последние чувства. Как она себе представляет эту хрупкую эфемерную прелесть с божественной фигуркой и зеркальными коготочками в грубых мужских сапогах? Это все равно, что розу бросить в чайник вместо кипятивника.

– С тобой хоть на край света, – промурлыкал Леня, представив, как плачет Аллочка и рвет от обиды волосы.

– Я серьезно.

– Когда я шутил?

– Значит, едем?

– Хоть сейчас.

– В колхоз?

– Куда угодно.

Самойлова открыла ротик, чтобы пролепетать еще что-то бесконечно наивное, но сзади, словно гром среди ясного неба, раздался голос начальника цеха:

– Итак, вы договорились.

Микросхема рассыпалась у Лени в руках, и сердце ускользнуло куда-то в коленки. Берестов вскочил со стула красный и трепещущий, точно пионерский галстук, и униженно залепетал:

– Я пошутил, Александр Григорьевич! Я не могу! Я болею! У меня все признаки открытого туберкулеза легких с инсультом миокарды...

– Итак, вы договорились, – повторил начальник с железно-бетонным нажимом, и Берестов с тоской подумал, что чем дубиноподобнее индивидуум, тем больше он хапает власти.

– Не поеду! – разозлился Берестов. – Не имеете права! Я не упал каждый год ездить по колхозам!

Крик души не возымел эффекта, тем более что голос от волнения сделался петушиным. Получилось не солидно и не убедительно. Начальник молча развернулся и направился к себе, всем видом показав, что дело решено. За ним засеменили технологи, давая саркастические ухмылки. Разумеет-

ся, Берестов собирался упасть, но исключительно на штангу, и исключительно ради Аллочки. «Эх, Аллочка, Аллочка! Жизнь так коварна...»

Напряжение за спиной мгновенно улетучилось и даже повеяло отеческим сочувствием со стороны большого конвейера.

– Пиши, если что, – похлопал по плечу Креончик. – А если будут барабашки – телеграфируй.

– Да пошел ты! – разозлился Леня. – В следующий раз, может, я над тобой посмеюсь.

И следующего раза пришлось ждать не более часа. После обеда к Леониду подошел начальник цеха и, едва удерживаясь от смеха, сообщил:

– Самойлова неожиданно собралась замуж, так что поедешь один.

– Что? – не поверил ушам Берестов, до которого, наконец, дошло, что его провели на мякине. – Не поеду! Ни за что. Можете увольнять по тридцать третьей статье! – Однако, встретившись с чугунолитейным взглядом начальника, Леня тут же добавил, менее свирепым тоном: – А если поеду, то только с Креончиком.

Креончик едва не слетел со стула. Он вскочил, покраснел, однако ничего возмутительного отпарировать не успел. Александр Григорьевич тут же громыхнул своим басом:

– Хорошо, Креонов. Если ты так горишь, я тебя тоже оформлю!

Начальник развернулся и пошел прочь, а к Креончику, наконец, вернулся дар речи.

– Я не горю, Александр Григорьевич! С чего вы взяли? – закричал он на весь цех.

С большого конвейера послышался смех. Спина Александра Григорьевича тоже пару раз дернулась. Креончик понял, что самое умное в данной ситуации не выглядеть смеш-

ным. Он гордо закусил нижнюю губу и с чувством выдохнул:
– Козел!

Берестов хитро подмигнул и расплылся в понимающей улыбке.

– Освежаешь в памяти деревенский словарь? Ну-ну! – после чего покровительственно похлопал его по плечу: – Не грусти! Жизнь такова, какова она есть. И если роза не предназначена для чайника, то только дурак может использовать ее вместо кипятильника.

Последнее тянуло на афоризм, но Креончик не оценил. Он скинул с плеча руку приятеля и послал его куда-то к хохлам. А сам обиженный ушел в сторону курилки. Впрочем, до курилки он не дошел. Завернул на ОТК к Самойловой.

– Эх, Юлечка, – тяжело вздохнул Креончик, обняв ее за талию. – Все-таки решила замуж.

Красавица стыдливо кивнула и сняла с себя не санкционированную руку.

– Правильно! – еще более сокрушенно вздохнул Креонов. – Женщина без мужа – все равно, что корова без рогов.

Десять минут спустя на ту же талию легли руки Берестова:

– Как ты подло меня обманула. Скажи, все Юлии такие?

– Не знаю, – произнесла умирающим голосом девушка, отдирая от себя заgreбушие руки парниши.

– Все! – сокрушенно вздохнул Берестов. – Потому что Юлия – означает из рода Венеры. А Венера была известной мерзавкой. Юлий Цезарь тоже был из рода Венеры. Секешь?

Но на Цезаря ты похожа мало, однако, – прищурился Берестов, – что-то венерическое в тебе есть.

Леня вернулся в цех и увидел, что Креончика все поздравляют, а некоторые даже завидуют тому, что он бесплатно надышитесь свежим воздухом. Ему хлопали по плечу и с изумлением интересовались, неужели вправду он согласился поехать в деревню добровольно. Когда же выяснялось название этой деревни, все в замешательстве расходились по рабочим местам.

– Страсти господние! Это же средневековье! Четырнадцатый век. Там еще колдуны и оборотни...

Креончик полдня пребывал в мрачном настроении. Не работал. Сдержанно принимал поздравления, как Цезарь после Рубикона, и принципиально не разговаривал с Берестовым. Однако в курилке все-таки дал волю чувствам:

– Когда это кончится? – всплеснул руками Креончик. – Уже два года перестройки, а нас по-прежнему гоняют по колхозам.

Илья бы очень удивился, если бы узнал, что начальник цеха после телефонного звонка из обкома слово в слово сказал своему заместителю ту же самую фразу:

– Когда это кончится? Уже два года перестройки, а нас по-прежнему гоняют по колхозам. Когда они, наконец, научатся обходиться без шефов. Конец месяца, нужно давать план.

– Так вроде не посевная? Зачем им люди? – удивился заместитель.

– Для прополки моркови.

– А что, колхозники сами не справляются?

– А колхозников отправляют на учебу в Америку.

– Ха! Ну и шутки у вас, Александр Григорьевич! – закатился на стуле заместитель.

Однако начальнику было не до шуток. От цеха нужно было срочно выделить двух работников на общественных началах. Теоретически администрация не имела права к принуждению, а практически, еще не родился такой дурак, который добровольно покатит разгребать навоз.

– С ума они там посходили что ли? – пробормотал в сердцах Александр Григорьевич. – Какая к черту Америка?

И действительно, то, что в эту минуту происходило в Комысловке, напоминала сумасшествие. Бабы, собрав мужиков в дорогу, рыдали у них на груди, а те с американской безгливостью воротили от деревенщин носы. А на площади уже ждал автобус.

Просто фантастика! Московский журналист не обманул! После вчерашнего обещания всех послать, он в последний раз цапнул доярку за грудь и культурно отрубился. Все ожидали, что наутро он не вспомнит ни черта из того, что нес на манер Хлестакова. Однако, проснувшись, москвич деловито опохмелился и потребовал правительственный телефон.

Председатель с парторгом испуганно переглянулись.

– У нас нет правительственного, – пролепетали они в один голос.

– Плохо! – поправил очки журналист. – Давайте какой

есть. Мне нужно немедленно позвонить Николаичу, заместителю министра.

Присутствующие при этом мужики вздрогнули и робко сопровождали гостя до Правления, где был телефон, единственный во всей деревне. Журналист сразу начал набирать номер. До Министерства он дозвонился только с седьмой попытки. Коротко и вразумительно объяснил ситуацию и, выслушав ответ, расплылся в интеллигентной улыбке.

– Николаич дал добро. Есть шестьдесят вакансий для учебы в штате Невада. Составляйте список!

С минуту стояла тишина. Мужики не верили ушам. Затем заговорили все разом. Из всеобщего гула выяснилось, что в Коромысловке тридцать восемь мужиков, и они все должны войти в список. В Кузоватово – семьдесят пять, а в Бавке – двадцать восемь. В Налейка – двадцать пять, но они почти все приезжие.

– Приезжих не надо! – поморщился гость. – Пополните список кузоватовскими, но только достойными, за которых не было бы стыдно за океаном.

– Федьку, Федьку Сапожникова, – загалдели мужики. – Он один может выпить ящик!

– И Лешку Селедкина! Он как напьется, может башкой разбить кирпич!

– То, что надо! – одобрил журналист.

Через полчаса список из шестидесяти человек был составлен, и колхозный грузовик рванул в Кузоватово. Журналист

дал на сборы четыре часа. Председатель заказал в районе автобус.

Небывалая горячка охватила колхозников. Во всех домах пекли пироги, жарили кур, коптили свиней и заталкивали в сумки связки с сушеной рыбой. Когда на площади появился первый колхозник, готовый к отправке за рубеж, журналист от изумления потерял дар речи.

Он был с двумя чемоданами, рюкзаком и огромным полосатым мешком через плечо, который, сгорбившись, волокла жена.

– Деньги хорошо спрятал? – шмыгнула она носом.

– В трусы! – коротко ответил отъезжающий.

К половине четвертого подъехали кузоватовские мужики. Они все, как один, были при галстуках и благоухали одеколоном. Их лица были серьезными, а изуверский объем багажа свидетельствовал о серьезных намерениях за океаном.

Ровно в четыре раздалась команда загружаться в автобус. Перед этим журналист лично созвонился с начальником железнодорожного вокзала, и тот, сразу въехав в ситуацию, пообещал изыскать шестьдесят билетов на фирменный поезд до Москвы. Председатель созвонился с Фролычем, и тот пообещал пополнить опустевший строй колхозников городскими шефами.

В половине пятого автобус под дружное рыдание женской половины деревни выехал из Коромысловки. Одновременно от электронного завода «Искра» отъехал заводской автобус

с шефами. Когда он тронулся, Берестов радостно воскликнул:

– Плюнь на обиды, Креонарий! Периферия – это прекрасно. Как сказал один Юлий из Галии: «Лучше быть первым парнем на деревне, чем вторым секретарем в райцентре...»

Непонятно, почему в ту минуту Берестова охватило такое бурное веселье. Вероятно, от молодости, а может и от дурости, что, в сущности, одно и то же.

Ехали прекрасно. Креончик уже не дулся, а если дулся, то не помнил на что. Кроме Берестова с Креоновым из ребят было еще трое: Виктор Малахаев – солнце заводской поэзии, Толик из гальванического цеха – известный гитарист и сочинитель песен на чужие стихи, и Шурик-Австралия из упаковочного цеха. Зато девчонок двадцать восемь душ. И все, как одна, уставились на Толика. А Толик – на свою гитару.

Толик жить не может без гитары. Он таскает ее повсюду, где только есть возможность ее протащить. Даже через проходную, где безнаказанно не проскальзывает ни одна мышь. Даже в этой невыносимой гальванике, где уши свертываются в трубочку, а нос непроизвольно изгибается в крючок. И там, стоит мастеру на минуту отлучиться, у Толика мигом в руках оказывался далеко не гальванический инструмент. Не удивительно, если и среди ночи Толик встает побренькать, если, конечно, есть необходимость вставать. Если, конечно, он не засыпает прямо с гитарой в руках.

Вот и сейчас, не успев расположиться на заднем сиденье, первое, что сделал Толик, расчехлил свою гитару и, закатив глаза, затащил про импортное пиво в склянке темного стекла.

Девчонки подхватили. Пацаны тоже. Даже Креончик, не имевший ни слуха, ни голоса, также вставил что-то веское в припеве о том, что каждый дышит тем, чем дышит. Словом, ничто не омрачало веселого настроения Берестова, кроме эфемерного образа Аллочки, которая нет-нет, да возникнет из придорожной пыли. Однако чем дальше уносился автобус за городскую черту, тем бледней становился ее божественный образ. А после того, как на полпути им встретился автобус, набитый серьезными мужиками в галстуках, ее образ вообще перестал что-то значить. На всякий случай Берестов послал ей мысленный поцелуй, все остальное – послал к черту, и Аллочка растворилась окончательно в пыли неасфальтированной дороги.

Именно с этой минуты перед глазами начал рисоваться другой, не менее соблазнительный образ Танечки Цветковой, за которую в прошлом году Леня от деревенских мизантропов получил оливковый фингал. Ну да черт, с ними, мизантропами! Придет время, он с ними рассчитается, ни в этом мире, так в царстве Божьем, в которое они, скорее всего, не попадут.

Компания Берестову определенно нравилась. Во-первых, Креончик. Он хоть и с «приветом», но с ним не соскучишься. Во-вторых, Малахаев с Толчановым – ребята творческие, не от мира сего. Кстати, были в прошлом году в колхозе. И Шурик-Австралия был. Он единственный из пацанов женатый. Кстати, заклевал всех своей Австралией.

Девчонки тоже были все знакомые. Но имелись и новенькие. Сразу бросалась в глаза длинноногая Светлана с русой косой и ангельским взглядом. На всякий случай Берестов решил положить на нее глаз. Однако не так просто положить глаз, когда глаза разбегаются. К тому же, на заднем сиденье дико трясло, и впереди разбегались разухабистые дороги и бежали навстречу столбы, и наш герой столбенел от мысли о тех восьми бугаях, которые в прошлом году никак не советовали ухаживать за Таней. Но Берестов не любил ничьих советов и не терял присутствие духа ни в каких ситуациях.

Через пару часов автобус прибыл на место в центральную усадьбу прямо на площадь.

Шефы не могли согласиться, что Кузоватово – средневековые, четырнадцатый век. В первую очередь, деревня в корне отличалась от средневековой своей безвкусицей и отвратительной архитектурой, если деревенские построения вообще можно назвать архитектурой. Скучные сооружения вокруг площади наводили такую загробную тоску, что невольно возникала мысль, не из загробного ли мира и выкопали отечественных архитекторов?

Самым внушительным и головным сооружением архитектурного ансамбля являлся клуб, напоминающий увеличенную крестьянскую избу. Перед ним – железобетонный монумент неизвестному солдату. По краям деревянное Правление колхоза и столовая с огромным крыльцом, на котором вечно курили механизаторы. Следом подряд шли два

магазина «Ромашка» (две первые буквы оторваны) и «Урожай» (оторвана первая буква). За магазинами в никогда не просыхающей луже стоял бычок. Видимо, лужа была его постоянным местом. А сам бычок являлся архитектурным дополнением к ансамблю. Через поле виднелась двухэтажная школа-восемилетка, три типичных двухэтажных дома, сотня дворов и полуразрушенная деревянная гостиница. На другом конце села располагались мастерские и витаминные агрегаты. За мастерскими, далеко через поле у самого леса стоял заколоченный дом, который назывался «домом с мертвыми душами».

– И в нем действительно обитают мертвые души? – вяло поинтересовался Креончик, меланхолично оглядывая окрестности.

– Ты не поверишь, но это факт! – с готовностью отозвался Берестов, почувствовав, что его прервавшееся молчание означает конец обиде. – Я лично видел! Клянусь!

Креончик поморщился и отвернулся, ни на толику не поверив клятвонарушителю. Несмотря на нашествие в тот год несметных полчищ барабашек и домовушек, Креончик отказывался верить в жизнь вне «материалистической подоплеки».

Вот, собственно, и вся деревня, в которой предстояло держать только что пребывшим шефам.

Едва автобус затормозил, на крыльцо Правления высыпала толпа встречающих, состоящих в основном из невероятно

грудастых женщин. По такому количеству управленцев можно было судить об успехах колхоза «Светлый путь». Несмотря на светлое название, лица у всех были мрачные. Кузоватовские были обижены тем, что из Коромысловки в штат Невада отправили всех мужиков до единого, а из Кузоватово – только двадцать два человека.

– Ну, подождите, коромысловские! – бормотал сквозь зубы председатель Эльдар Заречный. – Мы вам еще покажем Коромыслову мать.

– Как отправлять в Америку, так коромысловских, – вторил парторг, – а как селить шефов, так у нас. Ничего, мы их так поселим, что они еще долго будут помнить.

Однако ничего не поделаешь. Обиду пришлось проглотить. Тем более что шефы ни в чем не виноваты. Парторг Петр Иванович – круглый, румяный, язык, как пулеметная лента. Он первый натянул на себя улыбку при виде прибывших. А когда двери автобуса отворились и стали выходить девчонки, его глаза сделались масляными. Он коlobком скатился с крыльца и кинулся к девчонкам подавать руку. Председатель с секретаршей переглянулись.

– Иж чё творит! Чистый салтан! – хихикнула секретарша. Девушки охотно подавали руки парторгу, а он, жеманно хихикая, каждой представлялся персонально:

– Петр Иванович, парторг.

Ребятам он представился менее жизнерадостно, а, узрев Берестова, его лицо искривилось, как при виде лимона. Он

вытаращил глаза и попятился. Запрыгнув на крыльцо, парт-орг принялся с ужасом что-то нашептывать председателю на ухо. В результате нашептывания лицо Эльдара Александровича вытянулось, словно в комнате смеха, и Берестов понял, что неприятности из-за его стихотворения «Тяжело в деревне без нагана» еще не скоро кончатся.

Председатель взял себя в руки, солидно кашлянул и обратился к прибывшим с речью:

– Дорогие товарищи шефы, мы рады приветствовать вас на нашей родимой земле. Если вы прибыли с добрыми намерениями, то и мы к вам – всей душой. Но если вы намерены смеяться над нашей родиной, – тут председатель метнул строгий взгляд на Берестова, – и писать пакости злопыхательного толка, то таким нет места в наших рядах.

На этих словах он запнулся и начал рыться в карманах. Видимо, речь была заготовлена заранее и совсем другого содержания. Но его подчиненные не правильно истолковали паузу, и секунду спустя из окна грянула музыка в стиле хард-рок.

Петр Иванович колобком скатился с крыльца и, весело щебеча с девчонками, повел компанию через поле в пустую школу.

Шефов провожали взглядом все жители деревни, высыпавшие на улицу по случаю их приезда. Всех ближе к ним приблизились женщины. Мужчины сгруппировались на крыльце столовой. Подростки угрюмо наблюдали издале-

ка, и только дети вприпрыжку бежали за шефами до школы.

Единственной, кого не было среди встречающих, – это Танечки Цветковой. Хотя нет! Еще одна семья не вышла встречать гостей. Это семья Кудрявцевых.

Сорокатрехлетняя Елена Ильинична Кудрявцева сидела на диване и зябко куталась в шаль. Несмотря на то, что на улице стояла жара, ее поминутно бросало в дрожь. Окна избы были занавешены, дверь закрыта на крючок, а сама она, не мигая, смотрела, в одну точку. Рядом с ней находились семнадцатилетняя дочь Ирина и пятнадцатилетний сын Сережа.

– Мама, ну, прекрати, – плаксиво упрашивала дочь, капая на сахар валерьянку. – Сколько можно страдать из-за такой ерунды?

– Из-за ерунды? – выдохнула женщина, переведя шальной взгляд на дочь. – Ты это называешь ерундой?

– Ну, мама, ну перестань! – прогнусавил сын, уткнувшись ей в плечо. – И так страшно!

По телу женщины прокатилась дрожь. Она обняла своих детей и шмыгнула носом.

– Ой, боюсь. Как я боюсь! Если б вы знали?

– Мы знаем, мама, – обречено шмыгнул носом сын.

– Прекрати нагонять страху! – возмущенно потребовала дочь.

Взгляд женщины упал на кошелек, который лежал на столе, и который являлся причиной ее ужаса.

– Это нечистые деньги. От них надо избавиться, – про-

шептала Елена Ильинична.

— Значит, избавиться? А нам, значит, лапу сосать? — хмыкнула дочь. — Сообразишь же ты, мать! А может, это нам Бог посылает? Из жалости!

— Глупенькая, — судорожно вздохнула женщина, еще сильнее прижав голову дочери к груди. — Жизни не знаешь. Бог посылает только детей. А деньги зарабатываются потом и кровью.

Елене Ильиничне было от чего прийти в ужас. После ужасной смерти мужа денег стало катастрофически не хватать. Каким все-таки не был Антон безалаберным, а хозяйство держалось на нем. После его смерти все стало разваливаться на глазах: крыша протекла, завалинка рассыпалась, проводка перегорела, а на голову начала ошметками валиться штукатурка. Хорошо, что председатель Кузоватова предложил переехать в его деревню. Однако и в новом доме, в который переехала семья Кудрявцевых, в прошлое лето остро встал вопрос с перекрытием крыши и заливкой фундамента. Также нужно было перекладывать печь и укреплять полы, которые со дня на день могли провалиться в подпол. Только где взять денег? Колхозных грошей едва хватало на еду. На одежду детям уже приходилось выкраивать. Так дойдя до предела, Елена однажды с плачем бросилась на колени перед иконой и взмолилась, чтобы Господь на небесах обратил внимание на ее отчаянное положение.

И буквально на следующий день случилось удивительное.

Отправившись утром на работу, Екатерина Ильинична внезапно наткнулась на кошелек. Он лежал сразу перед калиткой, хоть и в траве, однако не заметить его было невозможно. Изумленная женщина подняла его и открыла. Бог ты мой! Он был туго набит деньгами.

Ильинична покрутила головой по сторонам. Никого. Да и кто мог быть на окраине деревни в половине пятого утра. У несчастной женщины и мысли не было присвоить эти деньги. Если она и пересчитала их, то из чистого любопытства, а еще из-за того, чтобы найти хозяина. В кошельке лежала невероятная сумма: восемьсот пятьдесят рублей. «Да в деревне и нет ни у кого таких денег», – с удивлением подумали Ильинична, и, сунув кошелек в карман, направилась на ферму.

– Бабаньки, я неподалеку от своего дома нашла кошелек! – произнесла вместо приветствия Ильинична. – Признавайтесь, кто потерял.

– Я, – в один голос крикнули бабаньки. – А сколько там было денег?

– А угадайте!

– Тридцать рублей! – закричала самая толстая доярка, чьему вымени позавидовала бы любая корова.

– Куда загибаешь? – перебила другая. – Двенадцать рублей сорок восемь копеек. Кошелек замшевый. Защелки металлические.

– Да ну тебя, Матрена! Ты этот кошелек потеряла три года

назад, — запшикали со всех сторон.

— Имей совесть, подруга! Дай другим угадать.

Однако никто не угадал. Никто даже приблизительно не назвал суммы, которая лежала в кошельке. Ильинична поняла, что из фермерских никто не терял кошелек. Никто не терял его и из механизаторов, хотя все в один голос уверяли, что кошелек потерян именно ими.

— Вот покажи, Ильинишна!

— Не покажу. Вы сами должны знать.

— Как же мы можем знать? А может, это и не кошелек вообще, а портмоне? Тогда, выходит, что ты нас вводишь в заблуждение?

«А ведь точно, — подумала Елена Ильинична. — Это скорее, портмоне. Тогда его потерял кто-то из администрации».

Но, как выяснилось, из административных работников также никто не терял кошелек. Хотя нет. Конечно, теряли! Причем и портмоне и кошельки одновременно, однако данный кошелек, или портмоне (пес его знает, в чем разница?) не терял никто.

Что оставалось бедной женщине? Пустить эти деньги на хозяйственные нужды. Это получилось само собой. Елена Ильинична ни в коем случае не хотела присваивать чужие деньги. Она намеривалась отдать их потерявшему по первому требованию, если он опишет кошелек и назовет точную сумму, или хотя бы близкую к точной. Однако таковой не объявлялся, и не было никаких предпосылок, что объ-

явится.

Когда слишком прижало с крышей, Елена Ильинична решила взять из кошелька сто шестьдесят рублей на ее починку. Но только займы. После того, как крыша была приведена в порядок, начала превращаться в труху завалинка. Пришлось взять займы и на завалинку. А что делать? Не лежать же деньгам без движения? Это приводит к их удешевлению. Так, кажется, пишут в газетах. Хотя этот процесс не совсем понятен для рядовой доярки. Не об этом сейчас разговор. Словом, таким образом, в течение полугода были потрачены все деньги из найденного кошелька. С одной стороны, Елена Ильинична приходила в ужас от мысли, что объявится хозяин и нужно будет наскрести эту сумму, а с другой стороны – хозяйка в глубине души радовалась, что теперь у нее с домом и с хозяйством – чин чинарем.

Однако видимо Господу не угодно, чтобы люди жили в радости слишком долго. Не прошло и трех месяцев, навалились новые заботы. В Ташкенте умер отец, наотрез отказавшийся переезжать в Россию.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.